

ПРОБЛЕМА ПРОТИВОРЕЧИЙ В МЫШЛЕНИИ (Зенон Элейский, Кант, Гегель)

Проблема противоречий — центральная в истории диалектики. И было бы естественно рассмотреть ее прежде всего в разрезе судеб диалектики категорий объективного противоречия. Но коль скоро в центре нашего внимания здесь Кант, а значит, и его антиномии чистого разума, то вопрос об объективном противоречии будет здесь лишь стороной анализа противоречий субъективных, т. е. присущих самому процессу познания. И тогда становятся необходимыми сопоставления именно с достижениями диалектического мышления Зенона из Элеи, а при сопоставлении с Гегелем на первом плане также будут тенденции развития диалектики противоречий в познающем мышлении.

В «Лекциях по истории философии» Гегель заявил, что «...кантовские антиномии представляют собой не больше того, что здесь уже сделал Зенон»¹, а в «Науке логики» он выразился еще более резко: «Бесконечно более остроумны и глубоки, чем рассмотренная (вторая — И. Н.) кантовская антиномия, диалектические примеры древней Элейской школы, в особенности примеры, касающиеся движения...»². И хотя Гегель признает «огромную ценность»³ антиномий Канта и их большое значение с точки зрения интересов построения самой его критической философии, но не более того, и прав, критикуя доказательства сторон антиномий Канта и неумение достичь собственно диалектического их разрешения, несправедливость в оценке Гегелем места Кантовых антиномий в истории диалектики бросается в глаза. Иное дело, что из приведенных высказываний Гегеля видна высокая оценка им апорий Зенона, и здесь он прав.

Цель настоящей статьи — на частном примере исторических судеб апории «летающая стрела» показать обоснованность общего вывода о том, что апории Зенона из Элеи, антиномии космологической идеи чистого разума Канта и рассуждения Гегеля по поводу так называемых «заостренных» диалектических ситуаций представляют собой три существенных этапа развития учения об интензивных диалектических противоречиях процесса познания в истории домарксистской гносеологии. Направление анализа задается методологическими положениями В. И. Ленина, высказанными в «Философских тетрадах» об истории диалектики в связи с указанной апорией.

Эти три важных историко-философских явления суть этапы именно развития воззрений на диалектику познания в силу следующих оснований. В знаменитой апории «летающая стрела», как и в других апориях, Зенон поставил перед собой совершенно недialeктическую задачу, а именно — показать, что возникающее здесь противоречие мышления свидетельствует о «неистинности» исходной посылки о факте перемещения тела в пространстве, так что надо не пытаться разрешать данное противоречие, а отнести в область «мнений», т. е. низшей реальности, те ситуации, в которых оно, это противоречие, возникает. В области истины, т. е. неподвижной мысли, по мнению элейца Зенона, никаких противоречий быть не может, и задача «разрешать противоречия» есть вообще мнимая задача — для области истины (сущности) потому, что их там нет, а для области мнения (явления) потому, что они там не разрешимы. Однако невольнo Зенон пришел к диалектическому по значению, но им самим именно так и не оцененному результату: мышление о движении непременно наталкивает на противоречия, но это значит, что и само реальное движение и движущееся мышление противоречивы. Однако это невольный вывод вопреки желанию теоретика-антидиалектика. Метафизик вопреки своей воле утверждает факт всеобщности диалектики.

Гегель впоследствии обозначил подобную ситуацию как «субъективную», или «отрицательную», диалектику. Это не в смысле отражения объективной диалектики субъектом, как используем термин «субъективная диалектика» мы, марксисты, и не в смысле всеотрицающей «фурии исчезновения» в «Феноменологии духа», когда Гегель рассматривает случаи катастрофического финала противоречий, и также не в смысле противостояния враждебных друг другу сторон противоречия, о чем речь идет у него в учении о втором моменте диалектического метода во «Введении» к «Малой логике». Говоря об элеатах, софистах и скептиках, Гегель указывает на подходящий к диалектике «отрицательный» образ мыслей в том смысле, что во всяком положении находят отрицательный (опровергающий) момент⁴. Подлинно «утвердительное еще не встречается»⁵ в такой диалектике, — говорит Гегель.

В трансцендентальной диалектике Канта мы видим значительный шаг вперед в данном вопросе: метафизик с еще большей силой утверждает диалектику, ибо задача разрешения противоречий, возникающих в познающем мышлении, признается им уже как вполне реальная задача «разума», хотя «рассудок» затем и разъясняет «разуму», что разрешение это будто бы возможно лишь посредством «разрушения» самого противоречия, поскольку его стороны следует, как мы знаем, по Канту, «развести» в разные миры. Это наиболее наглядно в случае динамических антиномий, но может быть выявлено и в антиномиях математических: хотя Кант заявляет, что в антиномиях

математического типа, т. е. в первых двух, противоречие «отвергается», а в антиномиях типа динамического, т. е. в двух остальных, «улаживается» (3, 476). Однако ведь и в математических антиномиях преодоление их Кантом связано с аргументами, опирающимися на введение им коренного различия между миром явлений и миром вещей в себе. Вопрос о возможности противоречий в мире самих вещей в себе остается у Канта в стороне как не имеющий определенного теоретико-познавательного смысла и могущий повести к заблуждениям (амфиболиям) рассудка. Но в самой направленности усилий Канта на проблему разрешения противоречий делается шаг в сторону «утвердительного», положительного в диалектике, и вопрос об объективном противоречии все более делается актуальным.

Огромная заслуга Канта состоит, во-первых, в том, что он указал на специфику противоречий процесса познания в отличие их от собственно объективных противоречий. Во-вторых, он предвосхитил диалектический смысл эвристического истолкования антиномий как ориентира для исследователя, которого они нацеливают на выяснение условий возможности достижения реального синтеза противоположностей. Антиномии Канта, во-первых, показывают проблему, во-вторых, «заостряют» ее и, в-третьих», очерчивают круг предпосылок, необходимых для ее разрешения.

Следующий шаг в проблеме антиномически «заостренных» противоречий познания делает Гегель. Он не только признает реальной и «разумной» задачу разрешения антиномий, но и стремится показать, как именно должен эту задачу реализовать «разум», используя вспомогательные средства «рассудка». Гегель справедливо критикует Канта за то, что тот не в состоянии обрести действительное разрешение антиномий через нахождение высшего синтеза⁶. Интересно, что Гегель упрекает Канта за то, что, не давая синтезирующего разрешения противоречий, он тем самым проявляет «слишком большую нежность к вещам»⁷. Разрешение противоречий, по Гегелю, происходит не путем их «разрушения» или «разведения» их сторон, но через конструктивное восхождение к их синтезу на более высоком уровне. Кант, однако, подвел уже к этому решению, как бы придя к его порогу, т. е. выполнив ту же роль, что и Зенон, но на более высоком уровне проблемы.

В силу своего объективного идеализма Гегель делает в очень важном моменте шаг назад по сравнению с Кантом: он вообще отождествляет структуру и содержание антиномически «заостренных» противоречий познавательного процесса с максимально развитыми противоречиями в самих объектах. Кроме того, иногда (и как раз в случае анализа им апории «летающая стрела») Гегель совершает и вторую ошибку: он истолковывает запись антиномической ситуации как разрешение самой же этой ситуа-

ции, что и произошло у него при истолковании им апории «стрелы». Но при этом именно антиномичность этой ситуации как проявление ее собственно диалектического характера резко выходит у Гегеля на первый план; так что у этой гегелевской ошибки оказалась и некоторая положительная сторона. Вторая ошибка, т. е. истолкование взаимопротиворечия тезиса и антитезиса как уже синтеза (разрешения) этого противоречия, методологически связана у Гегеля с первой, поскольку мыслительный синтез близок к чисто мыслительной трактовке соотношения тезиса и антитезиса.

Итак, Гегель сделал некоторый шаг назад. Сам он, конечно, не хотел этого видеть, и в этой связи обрисовывается смысл его подлинных слов, что «диалектика Зенона более объективна, чем эта (т. е. Кантова — *И. Н.*) современная диалектика»⁸. Дело в том, что у Зенона чувственный мир с его противоречиями не истинен, а у Канта он делается «неистинным» тогда, когда за его «обработку» принимается философский «разум». Иначе говоря, у Зенона чувственный мир сам по себе, т. е. в этом смысле «объективно», неистинен. И это обстоятельство Гегель выдает за большую якобы, чем у Канта, «объективность» субъективной (отрицательной) диалектики Зенона, так что не Гегель отступает назад от Канта в движении к истине, а Кант отступает назад от истины! Это рассуждение идеалиста Гегеля мы не можем принять. Дуалист Кант здесь ближе к истине, чем идеалист Гегель.

В исходном зеноновском толковании апории «летающая стрела» была выражена антиномичность так, что по условно принятой автором посылке, фиксирующей лишь факт чувственного наблюдения, стрела движется, а по рассуждению — она покоится и не может двигаться. Тем более она «не может» двигаться, когда выявляется противоречие между посылкой и рассуждением. У Канта обе стороны каждой из антиномий доказываются, хотя доказательства эти рассматриваются им как серьезные, но не до конца веские, поскольку в них не учитывается будто бы «факт» наличия двух несовместимых миров — явлений и вещей в себе. У Гегеля стороны антиномии стрелы истолкованы как характеристики диалектического положения дел в самой объективной реальности. Обе эти стороны толкуются как совершенно будто бы доказуемые. Как бы то ни было, происходит усиление равнодоказуемости утверждений о содержании сторон антиномии, а вместе с тем и нарастание объективности в подходе к антиномиям. Такова диалектика развития учения о противоречиях в истории философии.

Продолжим сравнение подхода трех философов. В апории стрелы у Зенона в явлении признается непрерывное движение, а в сущности бытия утверждается абсолютный «онтологический» покой, но в самом явлении невольно обрисовывается у Зенона вторая, внутренняя антиномия, что происходит, если по-

ставить вопрос так: а могло ли происходить движение без препятствия для мышления, если поверить наблюдаемому факту движения? Но препятствие (противоречие) налицо: движущийся предмет движется и непрерывно и не непрерывно, т. е. проходя свои меняемые им местоположения (ошибочно понятые Зеноном как состояния покоя) в разных точках траектории, в то же время фиксируясь в каждом из этих отдельных местоположений. Вот эта внутренняя, вторая, антиномия только и интересует Гегеля, а сам факт всеобщности движения для него беспорен, неподвижная же мысль — нелепость.

У Канта апория «летающая стрела» среди его космологических антиномий вообще отсутствует, однако, наиболее близка по проблематике к ней та его антиномия (а именно вторая математическая), в которой идет речь о том, верно ли, что существуют «простые» элементы всякой сложной «субстанции», или же верно, что таковые не существуют, так что процесс деления всякого образования на более простые составляющие всегда идет (или в принципе мог бы идти) без конца. И здесь выступает тот же рациональный момент, который В. И. Ленин отмечает в случае атории Зенона. «Движение есть единство непрерывности (времени и пространства) и прерывности (времени и пространства). Движение есть противоречие, есть единство противоположностей»⁹.

Во-первых, Кант невольно указывает на диалектическое единство прерывности и непрерывности реального пространства (поскольку у Канта под сложными «субстанциями» во 2-й антиномии понимаются любые структуры — не только тела и духи, но и стереометрические образы). Во-вторых, перед нами невольная постановка Кантом задачи выражения в понятиях только что отмеченного диалектического единства и диалектики самого реального движения как единства прерывности и непрерывности (вспомним знаменитое ленинское: «Улови момент!»). Можно упрекнуть Канта за неотчетливость используемого им понятия «простота», но ценно то, что, в отличие от Зенона, он, Кант, не разводит движение и отсутствие движения (покой) в разные миры (области явления и сущности). У Канта и движение, и покой рассматриваются именно как равноприусущие миру явлений. Это ярко видно в работе Канта «Метафизические начала естествознания» (1786), например, во втором ее разделе. Вопрос о движении в мире вещей в себе в смысле какого-то особенного изменения остается у Канта открытым. Прерывность же и непрерывность как таковые в их взаимосоотносительности Кант, подобно Зенону, также оставляет в мире явлений. Но таким образом у Канта под противоречиями познания намечаются объективные противоречия природы (пусть и в мире явлений); аналогичное видим и в его рассуждениях о противоречиях социальной жизни (пусть лишь через характеристику психологии людей).

Гегель, отождествляя «мир» познания с миром самой объективной реальности, соответственно отождествил в проблеме «летающей стрелы» и «миры» явлений, и сущности (на деле здесь, с точки зрения марксизма, следовало бы различать не только явления и сущность, но и явления в познании от явлений объективных). В результате прерывность и непрерывность в рамках гегелевской трактовки обретают свое местопребывание и в явлении, и в сущности, антиномия же движения и покоя у него, как уже отмечалось мною, отсутствует: налицо только диалектически совершающееся движение. Таким образом, уже существенно иначе, чем Зенон, Гегель излагает саму апорию «стрелы», не говоря уже об иной ее философской трактовке.

Если Зенон подменил гносеологические фиксации физическим покоем (хотя и имеющим место лишь в явлении как «мнении», поскольку истинное бытие у Зенона неподвижно, видимо, не в узко физическом смысле), то Гегель отождествил гносеологические фиксации движущихся по определению точек тела с неясными у него ситуациями не только онтологического «наличия» телесных точек в пространственных, но и «выходения» и «выхождения» таковых из точек пространства. В собственно логическом аспекте вопроса это связано с разницей в значениях разных видов отрицания, что здесь специально рассматривать не будем («S не есть P», «S есть не P» и «не так, что S есть P»). Здесь возникает основа для любопытного по своим деталям сопоставления результатов исчисления «направленности» Л. Роговского (ПНР, 1947) с анализом «внешних» и «внутренних» отрицаний у П. Рубена (ГДР, 1956) именно на почве интерпретаций гегелевской онтологии и логики. (Об этом мы говорили в докладе для Рижского семинара по диалектической логике (апрель 1977 г.).

Кант избежал обеих упомянутых выше ошибок: можно предположить, что ситуацию «летающей стрелы» он считал производной от проблемы сочетания континуальности и дискретности протяжений в телах и пространстве так, как она им поставлена во второй антиномии космологической идеи. В этом отношении его подход ближе к классическому ленинскому выводу о глубинной сущности антиномии-проблемы «летающей стрелы», чем подход Гегеля, осложнившего эту проблему своим отождествлением движения тел с разными оттенками движения мысли о геометрической стороне движения тел в пространстве. К тому же Гегель не смог сколь-либо ясно поставить проблему возможности бытия «соседних» точек и «соседних» моментов времени¹⁰.

Марксистско-ленинская постановка и решение антиномий, т. е. «заостренных» противоречий процесса познания, существенно отличаются от подходов к ней в домарксистской истории теории познания прежде всего тем, что это решение опирается

на методологию диалектико-материалистической теории отражения.

Анализ высказываний В. И. Ленина о «летающей стреле» в «Философских тетрадах» в связи с оценкой им позиции Гегеля обнаруживает, что Ленин здесь не только подвергает критике метафизических противников Гегеля, но и показывает качественное отличие взгляда на вопрос с позиций теории отражения от самого гегелевского воззрения. Ленин критикует здесь не только Чернова, он показывает и ложность аргументации Зенона, а также ограниченность принципа тождества бытия и мышления Гегеля, когда указывает, что в апории «стрелы» само движение подменяется лишь описанием движения и притом описанием, сведенным лишь к сериям отдельных гносеологических фиксаций точек движущегося тела в моменты (точки) времени в точках пути¹¹. Дополнительный свет на ход мыслей Ленина бросают его замечания по поводу категории «закон», где Ленин отмечает глубину удачного, но для Гегеля, пожалуй, случайного, гегелевского выражения о «спокойном», т. е. гносеологически зафиксированном отображении явлений¹².

Согласно В. И. Ленину, многокачественно-противоречивая пространственная структура движения отражается в познании как противоречие между различными (континуальными и дискретными) способами отражения движения в тех или иных научных теориях. «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движением, но и всякого понятия. И в этом суть диалектики, эту-то суть и выражает формула: единство, тождество противоположностей»¹³.

Вопрос о существовании квантованности реального физического пространства и происходящих в нем механических движений остается пока открытым. Доказательство существования квантованности означало бы наличие более конкретного противоречия прерывности и непрерывности у протяжений и у реальных движений, чем признаваемое материалистами-диалектиками ныне при анализе абстрактно-геометрической стороны движения. Кроме того, установление квантованности реального пространства помогло бы связать воедино динамические противоречия движения с кинематическими в более глубокую целостность.

Дальнейших исследований требует вопрос о соотношении взглядов Канта на антиномичность пространства в историческом изменении и развитии этих его взглядов с его позицией в отношении апории Зенона «летающая стрела», поскольку по этому вопросу в сочинениях «докритического» периода творчества Канта имеются не вполне четкие, но все-таки более близкие к материализму, чем у «критического» Канта, трактовки данной

проблемы и прежде всего — различие между реальной противоречивостью и логической несовместимостью (см. 1, 418). Это различие стало одним из «мостиков» перехода «докритического» Канта к «критическому», но само по себе, если его не абсолютизировать, важно для материализма.

Однако уже теперь мы можем сделать вывод, что отрицание Кантом тождества бытия и мышления позволило ему, в отличие от Гегеля, наметить такие стороны анализа противоречий движения, которые вели к более высокой, чем гегелевская, позиции, минуя Гегеля, и подводили к порогу марксистского исследования этой чрезвычайно сложной проблемы. Этим мы вовсе не хотим сказать того, что будто бы неверно считать диалектику Гегеля следующим, после Канта, более высоким этапом. Последнее несомненно, но к этому, как я старался показать, не сводится полностью решение проблемы. История диалектики полна диалектических противоречий.

¹ Гегель. Соч., т. 9. М., 1932, с. 244.

² Гегель. Наука логики. Т. 1. М., 1970, с. 271.

³ Там же, с. 263.

⁴ См.: Гегель. Соч., т. 10, с. 408—409, 420.

⁵ Гегель. Соч., т. 9, с. 233.

⁶ Гегель. Наука логики. Т. 1, с. 273.

⁷ Гегель. Соч., т. 11, с. 437.

⁸ Там же, с. 245.

⁹ Ленин В. И. Философские тетради.— Полн. собр. соч., т. 29, с. 231.

¹⁰ См.: Гегель. Соч., т. 2, с. 67; ср. там же, т. 9, с. 241.

¹¹ См.: Ленин В. И. Философские тетради.— Полн. собр. соч., т. 29, с. 232.

¹² Там же, с. 136.

¹³ Там же, с. 233.